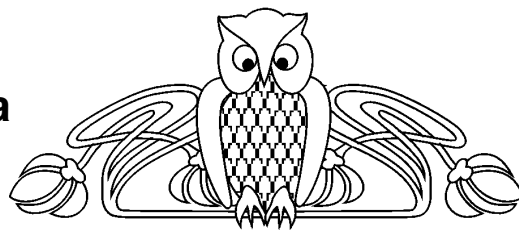

УДК 159.9.072

Измерение киберагрессии: разработка русскоязычного аналога опросника CYBA

А. А. Шаров

Шаров Алексей Александрович, младший научный сотрудник, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, alsh2013mag@gmail.com

Цель исследования, представленного в статье, заключается в адаптации и валидации англоязычного опросника CYBA (Cyber-aggression Questionnaire for Adolescents, D. Álvarez-García, A. Barreiro-Collazo, J. C. Núñez, A. Dobarro) на русскоязычной выборке. Валидизация русскоязычной версии опросника включала следующие психометрические процедуры: оценку очевидной и содержательной валидности (метод экспертных оценок с вычислением коэффициента конкордации Кендалла), уточнение структуры (эксплораторный факторный анализ с вращением эквимакс), проверку внутренней согласованности (расчет коэффициентов α Кронбаха), расщепленной надежности (оценка взаимосвязи четных и нечетных пунктов), конвергентной валидности (анализ величины корреляции с двумя другими методиками), диахронной надежности (тест-ретест). Общая выборка составила 250 респондентов. Данные факторного анализа подтвердили трехфакторную модель опросника, однако пункты распределены в русскоязычной версии в несколько ином контексте, чем в оригинальной. Итоговая структура опросника представлена следующими шкалами: «имперсонация» (пункты 1, 12, 18), «секстинг» (пункты 2, 3, 6, 9, 14), «вербально-визуальная киберагрессия» (пункты 4, 5, 7, 8, 10, 11, 13, 15, 16, 17, 19), интегративная шкала киберагрессии (пункты 1–19). Уровень внутренней согласованности в диапазоне значений: α 0,691–0,732, взаимосвязь шкал 0,242–1. Размах ретестовых показателей 0,914–0,934. Надежность частей 0,616. Показатели конвергентной валидности (со шкалами методик, применяемых в рассматриваемом контексте) варьируют в диапазоне значений 0,118–0,444. Полученные результаты позволяют констатировать, что модифицируемый психометрический инструмент может быть использован в научно-исследовательских целях в аспекте изучения феномена киберагрессии. Будущая перспектива исследования обусловлена процедурами стандартизации на выборках респондентов из разных возрастных групп.

Ключевые слова: валидность, виртуальная среда, девиантная активность, киберагрессия, надежность, опросник.

Поступила в редакцию: 21.12.2019 / Принята: 25.02.2020 / Опубликовано: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-118-125>

Введение

Согласно статистическим данным, в РФ растет количество пользователей сети Интернет в возрасте от 15 до 72 лет, например в 2015 г. 70,1%

от общей численности населения, а в 2017 г. уже 76% [1]. Исследователями отмечается, что типичной сферой проявления социальной активности молодежи является интернет-сетевая [2]. Она может включать в себя и различные виды девиантных проявлений. Обобщенно отклоняющееся поведение в виртуальной среде можно назвать современной, относительно недавно появившейся дефиницией «киберагрессия». Данный термин имеет англоязычное происхождение и связан с внедрением в повседневную жизнедеятельность глобальной сети Интернет, электронно-коммуникативных устройств. Если разделить интересное нас слово на две составные конструкции, то получится кибер + агрессия (cyber + aggression). Первая часть (cyber) изначально была использована в 1948 г. в контексте управления сложными живыми системами, а популярность в англоязычной среде приобрела благодаря всемирной сети Интернет и компьютерным технологиям. Вторая часть термина (aggression) достаточно распространена [3]. Например, в словаре Американской психологической ассоциации (АРА) – это поведение, направленное на причинение физического или психологического вреда другим [4]. Таким образом, соединение двух конструкций предполагает поведение, направленное на причинение вреда индивиду или группе посредством компьютерных технологий и Интернета. Данное понятие введено в употребление относительно недавно (2007 г.) [5]. Рассмотрим мнения зарубежных авторов в контексте рассматриваемой тематики. Киберагрессия – это умышленное совершение действий оскорбительного, унижающего или нежелательного характера (угрозы, преследование, домогательство, разглашение конфиденциальной информации) по отношению к лицу или группе, осуществляемое с помощью информационно-коммуникативных средств [6]. Следующее определение иностранных исследователей является схожим, но кажется более полным в контексте уточнения так называемых средств передачи виртуально выраженной агрессии в отношении жертвы. Киберагрессия – это действия, направленные на причинение вреда лицу или группе, выполняемые с помощью профессионального компьютера, мобильного телефона и других электронно-коммуникативных устройств, посредством электронной почты, социальной сети, мгновенных сообщений, блогов, игр в режиме онлайн [7].

Отметим, что в начале изысканий по данной проблематике использовался не термин «киберагрессия» (cyberaggression), а термин «кибербуллинг» (cyberbullying), означающий интернет-травлю в форме угроз, клеветы, шантажа. До сих пор некоторые авторы используют их как синонимы. На самом деле кибербуллинг является разновидностью киберагрессии [8]. Отечественные исследователи придерживаются аналогичной позиции [9, 10]. Можно перечислить такие варианты рассматриваемого нами социально-психологического феномена, как флейминг, харассмент, очернение, имперсонация, публичное разглашение конфиденциальной информации, остракизм, киберсталкинг, открытая угроза расправы, киберсуицид, хеппислепинг, троллинг, астротурфинг, секстинг, скамерство, фишинг, попрошайничество, сетевой заппинг, интернет-зависимость (гаджет-зависимость, игровая, от общения в социальных сетях) [11–16].

Заметим, что данный перечень не может считаться исчерпывающим в контексте выделения типов рассматриваемого феномена. Таким образом, под киберагрессией можно понимать ряд деструктивных практик, реализуемых в виртуальной среде.

В отечественной науке можно выделить исследования, направленные на выявление факторов совершения (встречаемости) различных форм киберагрессии (астротурфинг, троллинг, кибермоббинг, секстинг, очернение, хеппислепинг и т. д.) в контексте применения опросников, анкет, а также посредством анализа обращений клиентов на телефонную линию помощи [10, 11]. Привлекают внимание зарубежные исследования в рассматриваемом контексте, например опросник CYBA (Cyber-aggression Questionnaire for Adolescents), разработанный коллективом испанских ученых (D. Álvarez-García, A. Barreiro-Collazo, J. C. Núñez, A. Dobarro). По их мнению, диагностировать киберагрессию с помощью наблюдения, беседы, интервью оказывается затруднительным, чаще безрезультатным. Поэтому целесообразным может являться применение анонимных самоотчетов [17].

Структура и описание методики CYBA

Англоязычная версия опросника состоит из 19 пунктов и 3 шкал. Пункты вопросов 1, 12, 18 включены в шкалу имперсонации. Пункты вопросов 2, 9, 14 связаны с оценкой проявления сексуальной киберагрессии. Вопросы 4, 5, 7, 8, 11, 13, 16, 17, 19 ориентированы на выявление вербальной киберагрессии и эксклюзии. Вопросы 3, 6, 10, 15, согласно авторам опросника, являются дополнительными и не входят в трехкомпонентную модель.

Первая шкала оценивает проявление имперсонации (выдача себя за другого человека в виртуальной среде), вторая – выраженность

сексуальной киберагрессии (секстинга), третья оценивает агрессивные действия в сети (оскорбления, анонимные сообщения, комментарии, звонки, угрозы, публикацию слухов, ложные жалобы для исключения из сообществ, чатов других пользователей). Ответы оцениваются респондентами по шкале Лайкерта (1 = никогда, 2 = редко, 3 = часто, 4 = всегда). Респондентам предлагается следующая инструкция: «Укажите частоту выполнения следующих действий за последние три месяца». Минимальное количество баллов – 19, максимальное – 76. Анализ может подлежать как общее количество баллов по всей методике, так и по 3 шкалам в отдельности.

Валидизация оригинальной версии методики «Cyber-aggression Questionnaire for Adolescents» (CYBA) осуществлена испанским научным коллективом (Universidad de Oviedo, D. Álvarez-García, A. Barreiro-Collazo, J. C. Núñez, A. Dobarro) на выборке испытуемых в объеме 3148 человек в возрасте от 12 до 18 лет, 48% из них женского пола. Для анализа данных использовались статистические программы EQS 6,2 и SPSS 21,0.

Факторная структура опросника представлена тремя шкалами: «Имперсонация» (Impersonation), «Визуальная сексуальная киберагрессия» (Visual-sexual cyber-aggression) и «Вербальная киберагрессия и эксклюзия» (Verbal cyber-aggression and exclusion). Факторные нагрузки по каждому пункту $\geq 0,60$. Валидность методики была определена на основе:

- корреляций пунктов между шкалами (r от 0,70 до 0,95);
- корреляционных связей между шкалами других методик и CYBA (в диапазоне от 0,140 до 0,553 при $p < 0,01$);
- уровней внутренней согласованности для шкалы «Имперсонация» $R = 0,866$; шкалы «Визуальная сексуальная киберагрессия» $R = 0,809$; шкалы «Вербальная киберагрессия и эксклюзия» $R = 0,932$.

Согласно взглядам авторов, теоретическая значимость заключается в получении массива эмпирических данных, способствующих концептуальному разграничению видов киберагрессии. С практической точки зрения этот опросник является кратким, простым в реализации и интерпретации, экономичным по времени. Кроме того, его можно включать в программу скринингового обследования обучающихся. Отмечается, что процелирование полученных результатов на другие возрастные группы следует проводить с осторожностью. Особо подчеркивается, что интересным было бы адаптировать (модифицировать) данный инструмент в контексте применения другими возрастными группами, в новых социокультурных условиях [17].

Цель исследования, представленного в статье, заключается в адаптации и валидации англоязычного опросника CYBA, предпринятых на русскоязычной выборке.

Адаптации и валидации англоязычного опросника СУВА

Участники исследования. Общая выборка составила 250 респондентов из высших учебных заведений г. Саратова (проверка согласованности, расщепленной надежности, конвергентной валидности $n = 195$, диахронной надежности $n = 55$). Подобная численность для данного типа исследований является приемлемой, если ориентироваться на Стандарт Европейской федерации психологических ассоциаций EFPA [18]. Средний возраст респондентов 22,8 года ($SD = 2,32$). Мужчин 56%, жителей города 60%, сельской местности – 29%, пригорода – 11%.

Методики. Русская версия разрабатывалась посредством перевода англоязычной версии методики СУВА на русский язык двуязычным экспертом с обратным переводом (бюро переводов Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского). Русскоязычная версия опросника отражает смысловую нагрузку оригинального текста и соответствует лингвистическим нормам русского языка. Первичная апробация методики была выполнена в фокус-группе из 11 студентов, обучающихся на старших курсах бакалавриата факультета психолого-педагогического и специального образования. Группа производила оценку очевидной валидности: а) уровня сложности пунктов в контексте восприятия с позиции респондента; б) степени соответствия социокультурной среде. Содержательная валидность русскоязычного варианта определена методом экспертных оценок профессиональными исследователями, имеющими ученые степени и звания (3 специалиста, один доктор наук и два кандидата), а также опыт работы в психологической службе образовательных учреждений, экспертной (судебно-психологической) деятельности. Каждая из шкал методики оценивалась в диапазоне от 0 до 5 баллов.

Следующий этап включал в себя проверку факторной структуры. Далее осуществлялись процедуры оценки надежности.

1. Оценка внутренней согласованности производилась посредством вычисления α -Кронбаха по отдельным шкалам и методике в целом, а также коэффициентов корреляции между показателями шкал и интегративным показателем киберагрессии.

2. Ретестовая надежность проверялась на выборке из 55 испытуемых. Повторное тестирование проводилось через 3 недели.

3. Надежность частей опросника проверялась методом расщепления (деление вопросов методики на две части по четным и нечетным пунктам) и последующим расчетом корреляционных связей между ними.

С учетом дефицита психодиагностического инструментария в рассматриваемом контексте нами были выбраны следующие методики:

1) «Шкала агрессивности» методики W. Cook, D. Medley (У. Кука, Д. Медлей) [19];

2) методика диагностики девиантной активности в реальной и виртуальной среде (А. А. Шаров) [20].

Методы. Применены эксплораторный факторный анализ (факторизация методом главных компонент с вращением эквимакс), корреляционный анализ по Спирмену (R_s), выполнен расчет коэффициентов α Кронбаха для определения внутренней согласованности. Статистические процедуры обработки проводились с помощью пакета программ JASP (версия 0.8.5).

Результаты исследования и их обсуждение

Оценка очевидной валидности утверждений привела к тому, что 3 вопроса были переформулированы. Что касается проверки содержательной валидности, то некоторые пункты уточнялись с учетом внесения стилистических правок. Оценка согласованности мнений экспертов вычислялась с помощью коэффициента конкордации Кендалла ($W = 0,78$). Полученный показатель свидетельствует о наличии высокой степени согласованности мнений экспертов.

Для уточнения структуры был проведен эксплораторный факторный анализ (факторизация методом главных компонент с вращением эквимакс). Получены значения $\chi^2 = 3307,660$; $df = 117$; $p < 0,01$. Данные результаты свидетельствуют о приемлемой пригодности матрицы для процедуры факторизации. Выделены максимальные нагрузки по каждому пункту, которые свидетельствуют о принадлежности к тому или другому фактору. Минимальная нагрузка 0,419, максимальная – 0,888. Факторная структура опросника представлена в приложении 1.

Таким образом, на русскоязычной выборке установлена трехфакторная структура опросника. Все 19 пунктов англоязычного варианта методики сохранились, но распределились по факторам не в соответствии с зарубежным оригиналом. Разница с исходной версией состоит в том, что пункты 3, 6, 10, 15, не вошедшие ни в один фактор на языке оригинала, в русскоязычном варианте присоединились к фактору 3 (пункты 10, 15) и к фактору 2 (пункты 3, 6).

Так, пункты 10, 15 оценивают выраженность хеппислепинга (визуальный тип киберагрессии), их включение в данный фактор 3 может являться оправданным с учетом переименования фактора. Пункты 3, 6 посвящены оцениванию фактов размещения фото- и видеоматериалов компрометирующего характера без разрешения жертвы (пользователя). Следовательно, логичным является их включение в фактор 2. Таким образом, с учетом полученного распределения пунктов по факторам было принято решение о переименовании двух факторов. Итоговая структура опросника выглядит следующим образом:

шкала «Имперсонация» содержит пункты 1, 12, 18, шкала «Секстинг» – пункты 2, 3, 6, 9, 14, шкала «Вербально-визуальная киберагрессия» – пункты 4, 5, 7, 8, 10, 11, 13, 15, 16, 17, 19, интегративная шкала киберагрессии – все пункты с 1 по 19.

Надежность методики определялась по ее внутренней согласованности с помощью расчета коэффициентов α -Кронбаха. Получены результаты: имперсонация ($\alpha = 0,691$); визуальная сексуальная киберагрессия ($\alpha = 0,702$); вербальная киберагрессия и эксклюзия ($\alpha = 0,705$); интегративная шкала киберагрессии ($\alpha = 0,732$). Таким образом, шкалы продемонстрировали достаточный уровень внутренней согласованности.

С учетом того, что данные как по методике киберагрессии, так и по другим методикам, подтверждающим ее валидность, были получены посредством порядковых (ранговых) шкал, использовался коэффициент корреляции Спирмена (R_s).

Данные согласованности шкал опросника, вычисляемые путем определения коэффициентов корреляции между ними, представлены в табл. 1.

Анализ взаимосвязей между шкалами опросника показывает: все корреляции являются положительными, что свидетельствует об удовлетворительном уровне внутренней согласованности. Полученные показатели ретестовой надежности представлены в табл. 2.

Таким образом, уровень ретестовой надежности опросника, оценивающего устойчивость тестовых баллов респондентов в течение времени и показывающего стабильность изучаемого явления, может быть признан высоким. Расщепление опросника на четные и нечетные пункты и последующее применение корреляционного анализа позволяет констатировать надежность теста ($R_s = 0,616, p < 0,001$).

Рассмотрим результаты в аспекте конвергентной валидности психометрического инструментария.

Выявлено наличие положительных корреляционных связей шкалы «агрессивность» методики W. Cook, D. Medley со шкалами «имперсонация» ($R_s = 0,342, p < 0,001$), «секстинг» ($R_s = 0,118, p < 0,001$), «вербально-визуальная киберагрессия» ($R_s = 0,627, p < 0,001$) и «интегративный показатель киберагрессии» ($R_s = 0,276, p < 0,001$).

Шкала «аутодеструктивная виртуальная активность» имеет корреляционные связи со всеми шкалами методики киберагрессии:

- имперсонация ($R_s = 0,213, p < 0,001$);
- секстинг ($R_s = 0,495, p < 0,001$);
- вербально-визуальная киберагрессия ($R_s = 0,444, p < 0,001$);
- интегративный показатель киберагрессии ($R_s = 0,493, p < 0,001$).

Таким образом, между шкалами опросника выявлены положительные корреляционные связи с агрессивностью и агрессивно-асоциальной виртуальной активностью. Это свидетельствует о том, что диагностируемая с помощью данного опросника киберагрессия связана с показателями агрессивности, отклоняющегося поведения в виртуальной среде, измеряемыми другими методиками.

Выполнение процедуры адаптации русскоязычной версии методики выявило ее надежность, конвергентную валидность. Шкалы прошли экспертную оценку, показали достаточный уровень внутренней согласованности (α с диапазоном значений 0,691–0,732, взаимосвязь шкал 0,242–1), устойчивость диагностируемых результатов с течением времени ($R_s = 0,802$ –0,914), надежность частей (0,616). Показатели проверки конвергентной валидности позволяют констатировать, что шкалы имеют положительную корреляционную связь с другими методиками (размах диапазона 0,118–0,444).

Таким образом, представленный опросник расширяет взгляд на феномен девиантной актив-

Таблица 1 / Table 1

Корреляции шкал методики
Correlations of the method scales

Шкала опросника	Имперсонация	Секстинг	Вербально-визуальная киберагрессия	Интегративная шкала киберагрессии
Имперсонация	1	0,678	0,242	0,608
Секстинг	0,678	1	0,587	0,767
Вербально-визуальная киберагрессия	0,242	0,587	1	0,764
Интегративная шкала киберагрессии	0,608	0,767	0,764	1

Примечание. Все корреляции $p < 0,001$.

Таблица 2 / Table 2

Ретестовая надежность опросника
Retest reliability of the method

Шкала	Ретестовая надежность
Имперсонация	0,914, $p < 0,001$
Секстинг	0,934, $p < 0,001$
Вербально-визуальная киберагрессия	0,924, $p < 0,001$
Интегративная шкала киберагрессии	0,802, $p < 0,001$

ности в виртуальной среде. Его достоинства состоят в том, что конструкт позволяет измерить выраженность как общего уровня киберагрессии, так и разных ее составляющих за короткий временной промежуток. К недостаткам можно отнести неравночисленный характер пунктов для оценки выраженности видов изучаемого феномена.

Выводы

1. Результаты психометрических процедур позволяют считать данный опросник удовлетворительным в контексте применения в научно-исследовательских целях.

2. Шкальная структура дает возможность оценить выраженность общего уровня и конкретного вида киберагрессии (имперсонация, секстинг, вербально-визуальный тип).

3. Требуется проведение дополнительных мероприятий, направленных на повышение уровня конвергентной валидности, для применения в диагностических целях.

4. Перспективы исследования связаны с процедурами стандартизации на выборках респондентов другого возраста.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00298 «Психологические механизмы и факторы социальной активности молодежи»).

Библиографический список

1. Россия в цифрах 2018 : краткий статистический сборник. М. : Росстат. 2018. 522 с.
2. Бочарова Е. Е. Типичные сферы проявления социальной активности современной молодежи // Вестн. РУДН. Сер. : Психология и педагогика. 2019. Т. 16, № 3. С. 359–376. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-359-376>
3. Mishna F., Regehr C., Lacombe-Duncan A., Daciuk J., Fearing G., Van Wert M. Social Media, Cyber-Aggression and Student Mental Health on a University Campus // Journal of Mental Health. 2018. Vol. 27, iss. 3. P. 222–229. DOI: 10.1080/09638237.2018.1437607
4. APA Dictionary of Psychology / ed. G. R. Vandenbos ; 2nd ed. Washington : American Psychological Association, 2015. 1204 p.
5. Chibbaro J. School Counselors and the Cyberbully: Interventions and Implications // Professional School Counseling. 2007. Vol. 11, no. 1. P. 65–68. DOI: 10.5330/PSC.n.2010-11.65
6. Schoffstall C., Cohen R. Cyber-Aggression: The Relation between Online Offenders and Offline Social Competence // Social Development. 2011. Vol. 20, iss. 3. P. 586–604. DOI: doi.org/10.1111/j.1467-9507.2011.00609
7. Willard N. E. Cyberbullying and Cyberthreats : Responding to the Challenge of Online Social Aggression, Threats, and Distress. Champaign, Illinois : Research Press, 2007. 320 p.
8. Солдатова Г. У., Ярмина А. Н. Кибербуллинг : особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. № 3 (35). С. 17–31. DOI: 10.11621/npj.2019.0303
9. Черенков Д. А. Девиантное поведение в социальных сетях: причины, формы, следствие // Nauka-rastudent.ru. 2015. № 07 (19) [Электронный ресурс]. URL: <http://nauka-rastudent.ru/19/2843/> (дата обращения: 02.08.2019).
10. Шаров А. А. Специфика девиантной активности молодежи в интернет-среде // Учен. записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3 (51). С. 255–261 [Электронный ресурс]. URL: <http://scientific-notes.ru/#new-number> (дата обращения: 25.01.2019).
11. Солдатова Г. У., Шляпников В. Н., Журина М. А. Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн» // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23, № 3. С. 50–66. DOI: 10.17759/cpp.2015230304
12. Руженков В. А., Лукьянцева И. С. Новые возможности клинической скрининг-диагностики риска формирования аддиктивного и зависимого поведения // Научные ведомости БелГУ. Сер. Медицина. Фармация. 2016. Т. 35, № 19 (240). С. 36–47.
13. Тончева А. В. Диагностика киберкоммуникативной зависимости // Интернет-журнал «Науковедение». 2012. № 4 (13). С. 138–143.
14. Мусалимова Р. С., Ахмадеев Р. Р. Краткая характеристика тестовых методов оценки интернет-зависимого поведения // Вестн. Брянск. гос. ун-та. 2015. № 3. С. 32–35.
15. Лажинцева Е. М., Бочавер А. А. Интернет как новая среда для девиантного поведения подростка // Вopr. психологии. 2015. № 4. С. 49–58.
16. Горбачева А. Г. Конструктивные и деструктивные коммуникативные практики людей в сети интернет // Идеи и идеалы. 2013. Т. 2, № 3 (17). С. 17–25.
17. Álvarez-García D., Barreiro-Collazo A., Núñez J. C., Dobarro A. Validity and reliability of the Cyber-aggression Questionnaire for Adolescents (CYBA) // The European Journal of Psychology Applied to Legal Context. 2016. Vol. 8, no. 2. P. 69–77. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ejpal.2016.02.003>
18. Батулин Н. А., Мельникова Н. Н. Технология разработки тестов : ч. III // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Психология. 2010. Вып. 8, № 4 (180). С. 4–18.
19. Барканова О. В. Методики диагностики эмоциональной сферы : психологический практикум. Красноярск : Литера-Принт, 2009. 237 с.
20. Шаров А. А. Методика изучения девиантной активности в реальной и виртуальной среде // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, вып. 1 (29). С. 30–37. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-1-30-37>

Образец для цитирования:

Шаров А. А. Измерение киберагрессии: разработка русскоязычного аналога опросника CYBA // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, вып. 2 (34). С. 118–125. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-118-125>

Факторная структура опросника (n = 195)
Factor structure of the questionnaire (n = 195)

№	Содержание пункта	Факторная нагрузка
Фактор 1. Имперсонация		
1	Я выдал(а) себя за кого-то другого в сети Интернет, публикуя комментарии под его / ее именем	0,779
12	Я выдал(а) себя за кого-то другого, создав ложный профиль пользователя, с помощью которого я оскорблял(а) или высмеивал(а) кого-то	0,818
18	Я получил(а) пароль другого человека и отправлял(а) неприятные сообщения, притворяясь, что они были от него / нее, чтобы доставить кому-то неприятности	0,585
Фактор 2. Визуальная сексуальная киберагрессия		
2	Я делал(а) фотографии или видеозаписи сексуального или непристойного содержания (например, на пляже, в раздевалке ...) без согласия снимаемых участников и делился(лась) ими с другими пользователями с помощью мобильного телефона или Интернета	0,830
3	Я разместил(а) в сети Интернет подделанные (измененные) фотографии других людей для того, чтобы причинить им боль или высмеять их	0,800
6	Я разместил(а) реальные компрометирующие фотографии или видео человека в Интернете без его / ее разрешения, чтобы причинить ему / ей боль или посмеяться над ним / ней	0,541
9	Используя мобильный телефон или Интернет, я поделился(лась) в сети компрометирующими изображениями или видео другого человека без его / ее разрешения	0,663
14	Я подтолкнул(а) другого человека к тому, что он / она не хотел(а) делать, угрожая поделиться с другими содержанием частных разговоров с ним / ней или его / ее фотографиями	0,536
Фактор 3. Вербальная киберагрессия и эксклюзия		
4	Я удалил(а) из списка контактов или отказал(а) в общении другому человеку в чате, социальной сети или программе обмена мгновенными сообщениями (мессенджере), хотя он / она ничего мне не сделал(а)	0,716
5	Чтобы вывести кого-то из себя, я позвонил(а) на мобильный телефон и сознательно молчал(а), когда на звонок ответили	0,689
7	Я звонил(а) по телефону, чтобы оскорбить или подразнить кого-то	0,746
8	Я дразнил(а) кого-то, оставляя оскорбительные или обидные комментарии в социальных сетях	0,881
11	Я оскорбил(а) кого-то, используя текстовые сообщения (смс) или программы обмена мгновенными сообщениями – мессенджеры (например, WhatsApp)	0,663
13	Я подал(а) ложную жалобу на кого-то на форуме, в социальной сети или онлайн-игре, что привело к его / ее исключению	0,681
15	Я заставил(а) кого-то сделать что-то унижительное, записал(а) это на видео, а затем поделился(лась) этим с другими пользователями, чтобы подразнить его / ее	0,518
16	Я вступил(а) в сговор с другими людьми с целью игнорировать кого-то в социальных сетях	0,419
17	Я делал(а) анонимные звонки для того, чтобы угрожать или пугать кого-то	0,610
19	Я опубликовал(а) слухи о ком-то в социальной сети	0,595

Опросник киберагрессии (D. Álvarez-García et al. в адаптации А. А. Шарова). Стимульный материал
Cyber-aggression Questionnaire (D. Álvarez-García et al. as adapted by A.A. Sharov). Stimulus material

Инструкция. Укажите, пожалуйста, частоту выполнения следующих действий в виртуальной среде за последние три месяца.

<i>Используйте шкалу от 1 до 4.</i> <i>Обведите соответствующую оценку кружком</i>	Никогда	Редко	Часто	Всегда
Я выдал(а) себя за кого-то другого в сети Интернет, публикуя комментарии под его / ее именем	1	2	3	4
Я делал(а) фотографии или видеозаписи сексуального или непристойного содержания (например, на пляже, в раздевалке ...) без согласия снимаемых участников и делился(лась) ими с другими пользователями с помощью мобильного телефона или Интернета	1	2	3	4
Я разместил(а) подделанные (измененные) фотографии других людей в сети Интернет для того, чтобы причинить им боль или высмеять их	1	2	3	4
Я удалил(а) из списка контактов или отказал(а) в общении другому человеку в чате, социальной сети или программе обмена мгновенными сообщениями (мессенджере), хотя он / она ничего мне не сделал(а)	1	2	3	4

Используйте шкалу от 1 до 4. Обведите соответствующую оценку кружком	Никогда	Редко	Часто	Всегда
Чтобы вывести кого-то из себя, я позвонил(а) на мобильный телефон и сознательно молчал(а), когда на звонок ответили	1	2	3	4
Я разместил(а) реальные компрометирующие фотографии или видео человека в Интернете без его / ее разрешения, чтобы причинить ему / ей боль или посмеяться над ним / ней	1	2	3	4
Я звонил(а) по телефону, чтобы оскорбить или подразнить кого-то	1	2	3	4
Я дразнил(а) кого-то, оставляя оскорбительные или обидные комментарии в социальных сетях	1	2	3	4
Используя мобильный телефон или Интернет, я поделился(лась) с другими пользователями компрометирующими изображениями или видео другого человека без его / ее разрешения	1	2	3	4
Я кого-то ударил(а), записал(а) это на видео, а потом поделился(лась) этим материалом в сети	1	2	3	4
Я оскорбил(а) кого-то, используя текстовые сообщения (смс) или программы обмена мгновенными сообщениями – мессенджеры (например, WhatsApp)	1	2	3	4
Я выдал(а) себя за кого-то другого, создав ложный профиль пользователя, с помощью которого оскорблял(а) или высмеивал(а) кого-то	1	2	3	4
Я подал(а) ложную жалобу на кого-то на форуме, в социальной сети или онлайн-игре, что привело к его / ее исключению	1	2	3	4
Я подтолкнул(а) другого человека к тому, что он / она не хотел(а) делать, угрожая поделиться с другими пользователями содержанием частных разговоров с ним / с ней или его / ее фотографиями.	1	2	3	4
Я заставил(а) кого-то сделать что-то унижительное, записал(а) это на видео, а затем поделился(лась) этим с другими пользователями, чтобы подразнить его / ее	1	2	3	4
Я вступил(а) в сговор с другими людьми с целью игнорировать кого-то в социальных сетях	1	2	3	4
Я делал(а) анонимные звонки для того, чтобы угрожать или пугать кого-то	1	2	3	4
Я получил(а) пароль другого человека и отправлял(а) неприятные сообщения, притворяясь, что они были от него / нее, чтобы доставить кому-то неприятности	1	2	3	4
Я опубликовал(а) слухи о ком-то в социальной сети	1	2	3	4

Примечание. Ключи: «Имперсонация» – пункты 1, 12, 18; «Секстинг» – пункты 2, 3, 6, 9, 14; «Вербально-визуальная киберагрессия» – пункты 4, 5, 7, 8, 10, 11, 13, 15, 16, 17, 19; интегративная шкала киберагрессии – все пункты с 1 по 19.

Measuring Cyber Aggression: Development of Russian Version of CYBA Questionnaire

Alexey A. Sharov

Alexey A. Sharov, <https://orcid.org/0000-0002-0635-1413>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, alsh2013mag@gmail.com

The purpose of the study presented in the article is to adapt and validate the CYBA questionnaire (Cyber-aggression Questionnaire for Adolescents, D. Álvarez-García et al.) on a Russian sample. Validation of the Russian version of the questionnaire included the following psychometric procedures: assessment of obvious and substantive validity (method of expert estimates with calculation of Kendall concordance coefficient), refinement of the structure (exploratory factor analysis with equimax rotation), verification of internal consistency (calculation of α Cronbach coefficients), split reliability (assessment of the relationship between odd and even points), convergent validity (analysis of correlation value with two other methods), diachronic reliability (test-retest). The sample consisted of 250 respondents. Factor analysis data confirmed the three-factor model of the questionnaire. However, the Russian version items were distributed in a slightly different context, when compared to the original version. The final structure of

the questionnaire is presented by the following scales: "Impersonation" (points 1,12,18), "Sexting" (points 2,3,6,9,14), "Verbal-visual cyber-regression" (points 4,5,7,8 10,11,13,15,16,17,19), Integrative Cyber Aggression Scale (points 1-19). The level of internal consistency in the range of values is: α 0.691–0.732, the relationship of the scales is 0.242–1. The range of retest indicators is 0.914–0.934. The reliability of parts is 0.616. Converged validity indicators (with scales of methods used in the context under consideration) vary within the range of 0.118–0.444. The obtained results allow us to state that modifiable psychometric tools can be used for research purposes in the aspect of studying the phenomenon of cyber aggression. The prospect of the study is conditioned by standardization procedures on the samples of respondents belonging to different age groups.

Keywords: validity, virtual environment, deviant activity, cyber aggression, reliability, questionnaire.

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 18-18-00298 "Psychological mechanisms and factors of social activity of young people").

Received: 21. 12.2019 / Accepted: 25.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

References

1. Rossiya v tsifrakh 2018: kratkiy statisticheskiy sbornik [Russia in Numbers: Short Statistical Collection]. Moscow, Rosstat Publ., 2018. 522 p. (in Russian).
2. Bocharova E. E. Typical Spheres of Social Activity Manifestation in Modern Youth. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 359–376 (in Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-359-376>
3. Mishna F., Regehr C., Lacombe-Duncan A., Daciuk J., Fearing G., Van Wert M. Social Media, Cyber-Aggression and Student Mental Health on a University Campus. *Journal of Mental Health*, 2018, vol. 27, iss. 3, pp. 222–229. DOI: 10.1080/09638237.2018.1437607
4. Vandenbos G. R., ed. *APA Dictionary of Psychology*. 2nd ed. Washington, American Psychological Association, 2015. 1204 p.
5. Chibbaro J. School Counselors and the Cyberbully: Interventions and Implications. *Professional School Counseling*, 2007, vol. 11, no 1, pp. 65–68. DOI: 10.5330/PSC.n.2010-11.65
6. Schoffstall C., Cohen R. Cyber Aggression: The Relation between Online Offenders and Offline. *Social Competence. Social Development*, 2011, vol. 20, iss. 3, pp. 586–604. DOI: doi.org/10.1111/j.1467-9507.2011.00609
7. Willard N. E. *Cyberbullying and Cyberthreats: Responding to the Challenge of Online Social Aggression, Threats, and Distress*. Champaign, Illinois, Research Press, 2007. 320 p.
8. Soldatova G. U., Yarmina A. N. Cyberbullying: Features, Role Structure, Parent-Child Relationships and Coping Strategies. *National Psychological Journal*, 2019, vol. 3, no. 3 (35), pp. 17–31 (in Russian). DOI: 10.11621/npj.2019.0303
9. Cherenkov D. A. Deviant behavior in social networks: causes, forms, consequences. *Nauka-rastudent.ru*, 2015, no. 07 (19). Available at: <http://nauka-rastudent.ru/19/2843/> (accessed 02 August 2019) (in Russian).
10. Sharov A. A. Specifics of Young People's Deviant Activity in Internet Environment. *Scientific Notes: The Online Academic Journal of Kursk State University*, 2019, no. 3 (51), pp. 255–261. Available at: <http://scientific-notes.ru/#new-number> (accessed 25 January 2020) (in Russian).
11. Soldatova G. U., Shlyapnikov V. N., Zhurina M. A. The evolution of online-risks: the results of helpline “KIDS ONLINE” five years work. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2015, vol. 23, no. 3, pp. 50–66 (in Russian). DOI: 10.17759/cpp.2015230304
12. Ruzhenkov V. A., Luk'yantseva I. S. New Features of Clinical Diagnostic Screening of Risk Addictive Behavior and Dependence. *Belgorod State University Scientific bulletin. Series Medicine. Pharmacy*, 2016, vol. 35, no. 19 (240), pp. 36–47 (in Russian).
13. Toncheva A. V. Diagnostics of cyber communication addiction. *Internet-zhurnal «Naukovedeniye»* [Online Journal Science of Science], 2012, no. 4 (13), pp. 138–143 (in Russian).
14. Musalimova R. S., Akhmadeev R. R. Brief Description of Methods for Assessment of Internet-Dependent Behavior. *The Bryansk State University Herald*, 2015, no. 3, pp. 32–35 (in Russian).
15. Lazhintseva E. M., Bocharov A. A. Internet as New Environment for Teenager's Deviant Behavior]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psychologii], 2015, no. 4, pp. 49–58 (in Russian).
16. Gorbacheva A. G. Konstruktivnyye i destruktivnyye kommunikativnyye praktiki lyudey v seti internet [People's Constructive and Destructive Communicative Practices on Internet]. *Idei i idealy* [Ideas & Ideals], 2013, vol. 2, no. 3 (17), pp. 17–25 (in Russian).
17. Álvarez-García D., Barreiro-Collazo A., Núñez J. C., Dobarro A. Validity and reliability of the Cyber-aggression Questionnaire for Adolescents (CYBA). *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, 2016, vol. 8, no. 2, pp. 69–77. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ejpal.2016.02.003>
18. Baturin N. A., Mel'nikova N. N. Technology of test development: part III. *Bulletin of South Ural State University. Series Psychology*, 2010, iss. 8, no. 4 (180), pp. 4–18 (in Russian).
19. Barkanova O. V. *Metodiki diagnostiki emotsional'noy sfery: psikhologicheskiy praktikum* [Methods of Diagnostics of Emotional Sphere: Psychological Workshop]. Krasnoyarsk, Litera-Print Publ., 2009. 237 p. (in Russian).
20. Sharov A. A. Method of Studying Deviant Activity in the Real and Virtual Environment. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2019, vol. 8, iss. 1 (29), pp. 30–37 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-1-30-37>

Cite this article as:

Alexey A. Sharov. Measuring Cyber Aggression: Development of Russian Version of CYBA Questionnaire. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 2 (34), pp. 118–125 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-118-125>